

«Смысл, релевантность и пределы технологии»

Беседа с Хьюбертом Дрейфусом (беседуведет Гарри Крейслер)

Беседа с профессором Калифорнийского Университета Хьюбертом Дрейфусом состоялась 2 ноября 2005 года. Дрейфус известен сразу в нескольких областях философии. Он начинал как феноменолог, академическому миру знакомы его работы по феноменологии Хайдеггера, его авторская трактовка экзистенциальной феноменологии Мерло-Понти. В 1970-х он познакомился с Мишелем Фуко и результатом их сотрудничества стала книга «Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics», изданная им совместно с П. Рабиноу. И в пределах, и за пределами академического мира Дрейфус также популярен в связи со своим противостоянием концепциям искусственного интеллекта. Его работа «What Computers Can't Do» в 1978 г. вышла в переводе на русский язык под названием «Чего не могут вычислительные машины». О том, как он пришел к философии, о том, с чем связано ее преподавание, и о тех темах, которые всегда его интересовали, Хьюберт Дрейфус и рассказывает в пом интервью.

Цикл бесед «Диалоги с историей» (транслируемых на Калифорнийском телевидении) был начат в 1982 г. и к настоящему времени насчитывает более чем 400 интервью. Их исполнительным продюсером и ведущим является Гарри Крейслер (Институт Международных Исследований Калифорнийского Университета, Беркли). Среди гостей Крейслера — политики, государственные деятели, экономисты, аналитики, ученые, историки, писатели, журналисты, активисты различных организаций и люди творческих профессий. В этих беседах они рассказывают о своей жизни, о работе, о том, что их интересует. Они обсуждают современные и актуальные для всего мира проблемы.

Истоки

Здравствуйте, Берт. Добро пожаловать на шоу.

Спасибо, Гарри.

Расскажите, где Вы родились и выросли?

В ужасной дыре — в Терре-Хот, в Индиане. Я провел там семнадцать лет. совершенно не осознавая того, что это был чужой для меня мир.

Оглядываясь в прошлое, как Вам кажется, Ваши родители повлияли на Ваше мировоззрение?

Только если стимулировали протест. Я жил в вакууме. Они не читали книг, не слушали классической музыки, а только ходили на голливудские фильмы, шедшие тогда в кинотеатрах. Все, что я делал, — когда я читал хорошую книгу или слушал музыку — было своеобразным конструированием радикально нового мира в противовес им.

Hubert L. Dreyfus. «Meaning, Relevance, and the Limits of Technology»: Conversations with History № 341. Interviewed by Harry Kreisler. November 2, 2005 (<http://globetrotter.berkeley.edu/people5/Dreyfus/dreyfus-con0.html>). Редакция благодарит проф. Хьюберта Дрейфуса и м-ра Гарри Крейслера за любезное согласие на перевод и публикацию интервью.

Я так и застрял бы там навсегда, если бы не моя преподавательница риторики в средней школе, всегда считавшая, что самых искусных спорщиков нужно отправлять в Гарвард. Тогда она еще никого туда не послала, как мне кажется, у нее просто не было никого подходящего, но она настаивала на моем поступлении туда. Я никогда ничего не слышал о Гарварде. Я предполагал, что это должно быть где-то в Англии, поскольку это ведь было в Кембридже, а Кембридж, как мне казалось, должен был находиться именно там.

Я планировал поступать в Массачусетский Технологический Институт. Наука была мне интересна. Когда я учился в средней школе, я любил ради развлечения поднимать все на воздух, делать бомбы и т.д.

Это был бунт против серости?

Вполне возможно. Наверное, так оно и было. Тогда я думал только о том, как это здорово, смастерить такие бомбы и взрывать их на расстоянии, с помощью электрических проводов. Я хотел поступить в МТИ, потому что считал, что там меня научат делать бомбы лучше. В конечном счете, я, кажется, метался недолго, я лишь сделал то, что сказала преподавательница риторики, и поступил в Гарвард. И здесь я открыл для себя реальный мир.

Какую первичную специальность Вы получили в Гарварде?

Физика. Мне нравилась наука. Когда я не мастерил бомбы, я синтезировал дома ядовитый газ. Я хотел заниматься наукой, но пошел в философию, поскольку этого требовало распределение. К.И. Льюис, который, как я теперь понимаю, был выдающимся философом того времени, вел курс по Канту, — разумеется, выдающемуся философу всех времен. Я был ошеломлен, и обратился к философии.

Оглядываясь на те времена теперь, как Вы думаете, какое отличие физики от философии сделало последнюю наиболее привлекательной для Вас?

Наверное, ее связь с реальным миром и жизнью людей. Вообще они настолько различны, что я едва ли могу их сравнить. Они обе способны очаровывать, но я очень хотел понять себя и тот мир, в котором я жил. Физика исследует универсум и не имеет никакой конкретной связи со мной, с миром и даже с космосом.

Перед тем как мы начали интервью, Вы говорили о том, что в детстве у Вас была дислексия и что она остается у Вас далее сейчас. Это как-то повлияло на ваше обращение к философии?

В некотором отношении, да. Мне кажется, что, возможно, это повлияло и на мой интерес к науке. Мне было понятно, что я не мог заниматься историей или английским языком, или тем, для чего нужно было много читать. Кстати, я не сказал, что я читал вдвое медленнее, чем все остальные и что я с трудом понимал иностранный язык, когда читал на нем с листа, хотя мог свободно говорить, если слышал слова на слух. Я должен был заняться тем, что не требовало много читать, а физика состояла лишь из уравнений. Но философия увлекательнее. Можно читать Канта по десять страниц в час — и то это наверное слишком быстро, — а возможно и по пять, то же и с Хайдеггером, который сейчас является для меня фаворитом. Поэтому не имеет зна-

чения, дислексик ли вы. Это едва ли не преимущество, поскольку вы должны постоянно замедлять себя. Поэтому, безусловно, это сыграло свою роль.

В каком году Вы получили степень бакалавра гуманитарных наук в Гарварде?

В 51-м.

И после этого прошло много времени до того, как Вы защитили диссертацию. Расскажите об этом времени. Это потому что Вы тогда много учились? Чем Вы занимались? Вы преподавали философию в МТИ?

Да. Я находился в поисках своей проблемы. Мне кажется, что это очень важно. Я до сих пор продолжаю говорить студентам, что вы не сможете написать хорошие работы или диссертацию, если у вас нет проблемы. Я писал квалификационную работу по причинности в квантовой механике, это своеобразная граница физики и философии. Я хотел выяснить, подтверждает ли современная физика ошибочность жестких выводов Эйнштейна и Канта, утверждавших, что или мышление должно базироваться на строгой каузальности, или вы не сможете ничего сказать о реальности. В поисках ответа я исследовал этот вопрос целый год.

Затем, когда пришло время писать работу на степень доктора философии, у меня не было никого вопроса и я не был знаком ни с кем, кто помог бы его найти, поскольку, я не знаю почему, но я никогда не интересовался континентальной философией — нормальной философией, которой увлекались мои товарищи аспиранты. Она казалась мне ужасно скучной. Сейчас все считают, что в 50-60-х аналитическая философия и впрямь была чрезвычайно скучна, но тогда не было никого, кто мог бы направить меня в другое русло.

По счастью, я получил стипендию Товарищества путешественников и отправился в Базель слушать Карла Ясперса и последователей Хайдеггера во Фрайбурге и увидел, что можно мыслить совершенно иначе. И это мне очень помогло. Но, тем не менее, у меня по сути не было никакой темы. Хотя я и получил диплом в 51-м, до 64-ю я диссертацию не писал, преподавая тогда в МТИ. Да и диссертация оказалась не очень удачной. Я никогда не публиковал ее, хотя меня и очень просили, ведь она была посвящена Гуссерлю, который, как я считаю, был, к сожалению, чрезвычайно скучным философом, и к тому же она не отвечала ни на какой вопрос.

Но когда я его сформулировал? В общем, я его сформулировал, и это, наверное, изменило мою жизнь и карьеру. В МТИ я преподавал совершенно обычные вещи, и, по счастью, студенты там посещали то, что тогда называлось лабораторией робототехники (теперь это зовется лабораторией искусственного интеллекта), они говорили «О, вы, философы, никогда не понимали, что такое разум, язык и восприятие. У вас было две тысячи лет, а вы только продолжаете спорить, но так ни к чему и не пришли. Вот мы с нашими компьютерами создаем программы, которые осмысляют и разрешают проблемы, планируют и исследуют языки. Когда мы сделаем это, мы поймем как все устроено». И я думал: «Ну и дела, я тоже хочу заниматься этим, но я не уверен, что они смогут это сделать», потому что Хайдеггер и Витгенштейн, которых я тогда читал, говорили, что интеллект включает не только логические цепочки, Он построен на различных типах правил. И я заинтересовался этим.

Так Вы нашли проблему. Мы обратимся к этой проблеме минутой позже, мне хочется направить Вас в несколько другое русло, поскольку есть весьма интересные вещи, к которым мне хотелось бы прежде обратиться.

Преподавание философии

В недавнем интервью Вы сказали, что в мире есть сила, которая овладевает людьми и направляет их к великим делам и что она исходит и не откуда-то изнутри (из бытия), и не от их культуры. Мы не знаем, что это, но ее называют призванием. Мне хочется, чтобы Вы приложили это к себе. Вы рассказывали о своем обращении к философии, — какие из Ваших собственных истоков, которые привели Вас к этому призванию, Вы можете назвать. Что за проблема заинтересовала Вас?

Оно всегда было связано с проблемой. Это близко к призванию, но мне кажется, что мое призвание — быть преподавателем, и это здорово.

Я не достигаю подлинности в философии или в решении проблемы, или в настойчивом продвижении к цели, к чему способны или не способны компьютеры. Я обрел свое настоящее призвание, когда стал ассистентом преподавателя. Я вдруг обнаружил, что могу настолько глубоко погрузиться в дискуссию, что буквально забываю, где нахожусь, и где-то в течение часа после этого брожу под впечатлением того, насколько замечательно все это было. И с тех пор так всегда. Я до сих пор отдаю так же много энергии преподаванию и по-прежнему забываю, где я. Я убежден, что в этот момент все, независимо от того, что они делают, чувствуют это. И это стало призванием.

У меня есть путеводная нить. Вы хотите знать, как, на мой взгляд, я нашел ее? Мне кажется, что почти у всех, кто занимается преподаванием, есть младшие братья или сестры. Тем, что я стал преподавателем, я обязан своему младшему брату, я не лупил его, как это обычно бывает, а помогал ему. Так я стал преподавать где-то лег с трех. Кстати, это было бы интересно исследовать. Может быть кто-нибудь, услышав мои слова, выяснит, часто ли те, кто получает дипломы преподавателей, являются старшими в семье.

Как это ни странно, Вы сказали, Вы дали мне это прочесть — что в какой-то момент, когда родился Ваш младший брат, Вы чувствовали некоторое разочарование и подавленность и что Вы словно бы ощущали небытие, что Вы больше не испытывали никаких чувств и были готовы отважиться на что угодно. Это действительно так?

Да, так. Это хайдеггерианский стиль мышления, появившийся до того, как я обратился к Хайдеггеру. Большинство людей верят (мне трудно вспомнить, на что похожа эта вера, поскольку я утратил ее в трехлетнем возрасте), что все наделено определенным смыслом и что можно заслужить доверие, если делать то, что одобряют: они знают, что хорошо, а что нет, и что можно завоевать доверие, ведя себя соответствующим образом.

По-моему, я утратил эту веру, когда мой мир вдруг разрушился из-за какого-то младенца, которого безмерно любили, во всяком случае больше, чем меня. Но, пережив такое отчаянье, если можно так выразиться, — Хайдеггер назвал это ужасом, но в своем очень специфическом смысле — вы обнаруживаете, что на самом все это не так уж важно. Это освобождает вас от обязательств, и вы можете теперь вести себя независи-

мо. Я почти уверен, что это нашло отражение и во время моего университетского обучения. Тогда как все остальные были устремлены вперед, очевидно, зная, что нужно делать, чтобы найти работу, и что нужно читать, у меня не было никакого ключа, но я читал все, что было любопытно, и чего никто не читал. На квалификационных экзаменах никто не мог оценить качество моего ответа, поскольку он был построен на том материале, которого никто никогда не читал. Мою диссертацию по квантовой физике читал Куайн, логик, и я не думаю, чтобы он особенно разобрался в квантовой физике.

Я всегда делал только то, чего требовала ситуация. Возвращаясь к компьютерам: тогда в философии еще никто не обращал внимания на людей, утверждавших, что они используют компьютеры, чтобы понять сознание. Но сразу же, как только я это услышал, это захватило меня, и я сразу стал размышлять об этом, хотя еще не было никаких опубликованных философских исследований по этому предмету. И правильно. Это были материалы штата лаборатории AI и ...

Искусственный интеллект...

Да, «Искусственный интеллект», и то, что они опубликовали. И то, как это работало.

Теперь у Вас два призвания. Во-первых, как Вы только что сами сказали, Вы преподаватель, но Вы еще и философ. Давайте немного поговорим о философствовании и попробуем подойти к тому, что нового Вы привнесли в философии). Чем занимается философ?

Большинство моих коллег и друзей аспирантских времен занимаются решением проблем, ставящихся, начиная с Платона и Аристотеля, — например, сущность времени, пространства, причинности, — и осмыслению этих проблем отводили большое место еще когда я был аспирантом. Есть доминирующее представление, одни защищают его, другие нападают, все издают работы и продвигаются в зависимости от того, насколько хорошо обороняются или нападают. Но меня это никогда не интересовало.

То, что действительно меня занимало, так это стремление вскрыть подлинную проблему. Я не сомневаюсь, что это делали и другие философы, прямо сейчас я не могу вспомнить никого такого, но они, несомненно, должны быть. Разумеется, этим занимался Кант. На основании определенных посылок он пытался понять, как возможна физика, как возможна математика и т.д.

Философия основана на интересе к вещам, которые непременно хочется понять. Она дает вам для этого инструмент: вы учитесь ясному мышлению, учитесь обобщать, приводить контр-доводы и отвечать на них. Это то, что проделывали все эти люди, но содержание того, чем они занимались, не интересовало меня. Метод был великолепен... На деле оказывается, что существуют еще и философы, которые мыслят в основном нелогически, — это слишком ограниченно — но *аналитически*, как сказали бы они сами, выдвигая утверждения, контр-утверждения и контр-примеры. Мне кажется, это замечательно, но я все больше и больше погружался в *феноменологию*, где самым важным является описание опыта, вовлеченного в восприятие, действие. Мое увлечение тем, что называют феноменологией, — это целая история. К ней нельзя прийти через анализ понятий, правил, пропозиций и т.д. Это опыт.

Проблема тела

Сейчас, когда я слушаю Вас, и поскольку я читал некоторые Ваши работы, мне интересно узнать, что является исходной основой человеческой природы. Вновь и вновь приходят на ум слова «ранимость», «обязательство», «осмысленность». Это верное определение?

Да.

Итак, это те проблемы философии, которые Вас интересуют.

Верно. Это интересовало философское меньшинство, тех, кого я читал, и что потом никто не мог оценить на моем экзамене. Это Кьеркегор, это Паскаль, который первым сказал, что человеческая природа отмечена печатью фундаментального противоречия. Все представители платоновско-аристотелевской греческой философской традиции стремились понять, кто же мы в сущности такие, и затем говорили, что, в общем, нужно делать свое дело, быть разумным, любить благо и все, что с ним связано, и искоренять в себе ту часть, что выступает против этого. Обычно хорошей частью считался разум, а плохой — тело. Предполагалось, что мы по своей природе есть разум.

А потом пришел Паскаль и сказал: нет, мы по природе своей тело *и* разум, вступающие друг с другом в различные конфликты, мы есть пространство этого конфликта, мы, как я это представляю, словно разрываемся в нем. Он сказал, что великие люди живут в двух крайностях, входят в это пространство, они пребывают в постоянном отчаянии, поскольку никогда нельзя достичь единства — такова уж природа человека. На это отваживаются даже не они сами, так уж происходит, что их жизнь отмечена печатью риска. И, говорит Паскаль, имея в виду себя самого, — печатью гениальности. Это был ответ Декарту, который был одним из тех [традиционалистов], кто заявил: «Мы есть лишь сознания, и мы лишь заточены в физическое; наше тело — это только другой объект, и мы можем обойтись без него». Паскаль отошел от этого где-то в 1670 г. А потом, чуть позже, в 1850-м, Кьеркегор вновь к этому обратился.

Кьеркегор был для меня чрезвычайно интересен, поскольку он ясно сказал, что «я» — это конфликт между конечным и бесконечным, временным и вечным, возможным и необходимым, но он подразумевал также тело и сознание, кроме того — что оказалось плодотворно для этой дискуссии — он считал, что разделение «тело/сознание» крайне непродуктивно, поскольку позволяет людям думать, что они могут обладать одним без другого, тогда как необходимо уяснить, что эти две силы не только находятся в постоянном конфликте, но одновременно не могут существовать друг без друга. Поэтому, так или иначе, я заинтересовался этим.

Кажется, Вы многим обязаны Мерло-Понти: в том смысле, что он помог Вам понять и определить, что такое быть человеком. Это так?

Нет, не Мерло-Понти. Нет.

Это натяжка?

Мерло-Понти — это своеобразное продолжение Хайдеггера. Именно Хайдеггер был тем, кто подхватил мысль Кьеркегора. Но давайте на минутку вернемся к Кьеркегору. Он выдвигает идею призвания, которое вы несете, которое вы призваны реализовывать, чтобы иметь то, что он называет безусловным обязательством, или

безграничной страстью к чему-либо, и лишь посредством этого вы можете собрать все эти кажущиеся противоречивыми факты вместе. Но это сопряжено со страшным риском, поскольку, если ваше обязательство связано с каким-то человеком, он может уехать или умереть, если с каким-то предприятием, — оно может потерпеть неудачу, если с преподавательской профессией, — предположим, я потеряю голос, не смогу говорить и не смогу продолжать работать. Поэтому это всегда риск.

Хайдеггер унаследовал от Кьеркегора эту идею призвания и закреплённости в тревоге, что для него (он наследует это от Кьеркегора, у которого все это уже есть) означает видеть, что ничто не наделено свойственным ему значением, что не существует руководящих принципов, которых можно придерживаться. Вы, конечно, можете руководствоваться ими, но в таком случае вы будете жить шаблонной, стандартной и однообразной жизнью. Кьеркегор называет это устойчивостью. Но если вы стремитесь реагировать на конкретные ситуации живым откликом, вы отбрасываете все руководящие принципы, поскольку они приводят вас только к стандартному ответу. Хайдеггер заимствует эту идею и называет это подлинным существованием.

И именно это было созвучно с некоторыми вещами в моей собственной жизни. Я точно не знаю с чем. Это связано с исследованием мастерства и того, что значит обладать мастерством. И здесь вновь возникает мой брат. Он всегда мелькает позади, ведь после того, как я учил его, он учил меня.

Он тоже философ?

Нет, сейчас он профессор индустриального инжиниринга. Но он большой философ — точнее, лучший феноменолог, — чем большинство философов.

Всем, кстати, движет случай. Мне кажется, что это совершенно реальный фактор. По воле случая я оказался в МТИ, а потом случай привел меня сюда, и однажды в моей жизни появился парень, который, как оказалось, был из воздушных сил...

Тогда я написал книгу «Чего еще не могут компьютеры» (*«What Computers Still Can't Do»*), тогда она называлась — «Чего не могут компьютеры». Он считал, что я помогу ему побороть свойственное воздушным силам предубеждение, что для того, чтобы стать специалистом, необходимо усвоить все правила и пройти проверку знаний, а если вы становитесь специалистом, то знание этих правил периодически проверяют. И этот парень, Джек Торп, был убежден, что все это неправильно, и хотел, чтобы я поддержал его и подкрепил его убежденность внешним авторитетом. Воздушные силы финансировали это исследование мастерства, но я не знал, что делать и обратился к моему брату Стюарту, и мы вместе взялись за напряженную работу.

Мы решили, что будем разрабатывать эту проблему на примере водителя, я сказал Джеку Торпу: «Я не смогу сделать того, что вы хотите, поскольку вы хотите знать о мастерстве пилота, а я о пилотах и самолетах ничего не знаю». На что Стюарт предложил: «Ничего страшного, мы будем разрабатывать все на примере водителей и автомобилей, а когда вновь вернемся к воздушным силам, просто заменим водителей пилотами, а машины самолетами». И все получилось. Воздушным силам все понравилось, и это отразило все единство «истории мастерства». Исследование мастерства многим обязано моему брату и его выводам относительно того, о чем я Вам уже говорил: если вы начинаете с правил и опираетесь на них, когда осваиваете новый навык, вы погружаетесь в механическое повторение действий, как водители, что учатся ездить при 10 милях в час.

Подробнее о преподавании

Позвольте прервать Вас. Следующее, о чем я хотел бы расспросить Вас произнесенная Вами фраза о том, что Ваше основное призвание — преподаватель; давайте же поговорим о мастерстве, тем более что Вы уже начали этот разговор, но уже в отношении к формированию призвания преподавателя и к тому, как успешно его реализовать.

Это очень интересно, поскольку преподавание весьма специфично, но, очевидно, и настолько своеобразно, что вообще-то никто и никогда не назовет вам тех правил, на которые вы смогли бы здесь опереться, тогда как если вы водитель, шахматист или просто, будучи взрослым, изучаете какие-то вещи, вначале вам обычно разъясняют, на что вы должны обратить внимание и что вы должны сделать, если что-то произойдет. Но никто не говорил мне ничего подобного о преподавании, и я всегда с недоверием отношусь к тем, кто говорит что-либо подобное о самом преподавании. Это лишь ловушка, и вы заstopориваетесь на этом. Люди вязнут в том, что Стюарт называет «только компетентностью», что означает всегда руководствоваться стандартными правилами и делать обычные вещи. В преподавании не существует никаких правил, поэтому при освоении преподавания вы похожи на ребенка, который точно так же сначала должен что-то попробовать, а уже только потом понимает, что следует делать, а чего — нет.

Я стал пробовать все — мне кажется, я начал плоховато, — будучи ассистентом преподавателя в Гарварде. Я точно знал, чего хотел от студентов, тогда у меня был четкий план, и все мои силы и энергия были сосредоточены на том, чтобы убедиться, что они достигли того, чего я хотел тогда, когда я этого хотел. Это было далеко не лучшим способом. Вы всегда должны использовать с выгодой для себя все случайности, что могут возникнуть, и следовать за ними. Каким бы то ни было образом...

Давайте немного остановимся на этом. Ваша роль — преподаватель, сам процесс — это путь, а студенты — адресаты преподавания.

Это не совсем так. Я вновь и вновь повторяю — а я добился немалых успехов и наград в МТИ и здесь — что то, что я делаю, так это вовлекаю студентов в совместный процесс познания. И я не лукавлю. Я постоянно учусь. К тому же, вы никогда не осознаете этого, все происходит само собой. Я никогда не говорю самому себе: «Преподавание — это вообще-то обучение». Как это ни странно, но Хайдеггер утверждал то же самое. Я вряд ли хотел бы преподавать, если бы сам на каждой лекции чему-либо не учился.

Конечно, мне очень повезло, что я работаю в таком месте, как Беркли, где очень способные студенты, которые могут понимать тот или иной аспект предмета лучше, чем я это делаю после тридцати лет его изучения.

Но я хочу коснуться еще одной вещи — риска. На самом деле вы должны рискнуть. Если вы противопоставляете себя аудитории и если не понимаете ее, вам не хочется попасть в неприятное положение, вы избираете защитную позицию и стремитесь запугать студентов тем, что вы всегда правы, как это делают некоторые мои коллеги. Мне кажется, что я и впрямь хороший преподаватель, поскольку, когда я начинаю лекцию, я трачу десять или пятнадцать минут на то, что признаю те вещи, в от-

ношении которых на предыдущих семинарах или лекциях был прав не я, а студенты. Мне кажется, что для них очень важно понять, что они способны продуцировать новые идеи. Но я делаю это не поэтому, а потому, что для меня очень важно разобраться в том, в чем я когда-то запутался.

Нужно быть способным отважиться на это и никогда не задаваться вопросом: «Какое правило поможет мне избежать этого в следующий раз?». Эта идея Стюарта, которой я больше ни от кого не слышал, очень важна. Люди убеждены — и вы читали об этом, — если что-то идет не так, как нужно, вы должны попытаться сформулировать некоторое правило, которое предписывает не повторять этого снова в той же ситуации, и вы стремитесь придерживаться его. Это приводит к ригидности и стереотипности, и вы тонете в компетентности. Так что же нужно делать? По-видимому, то, о чем говорит Стюарт, и впрямь верно. Вы чувствуете себя плохо, когда ошибаетесь, и хорошо, когда исправляете свои ошибки. Великие баскетболисты или музыканты, или другие профессионалы в своем деле говорят, что делают это, и я осознаю, что то же самое проделываю в преподавании.

У меня есть странная привычка, которую теперь я понимаю благодаря той «истории мастерства», которую рассказал Стюарт. Я всегда записываю свои лекции, и перед тем, как вновь читать лекцию по той же теме на следующий год, я прослушиваю предыдущую. Сейчас все они хранятся у меня в iPod'e. Я обычно слушаю их в плеере или в машине, везде. Я всегда слушаю уже прочитанные лекции. Никто из моих коллег этого не делает. Когда я слушаю, я говорю: «Вау, как верно я это сказал, здорово» или «О Боже! Какая ужасная логика и как все плохо». Но я никогда не ищу правил для того, чтобы в следующий раз предотвратить это. И, так или иначе, если вы в самом деле отважитесь на это, едва вы рискнете, вы почувствуете, что будет потом. — вы будете довольны результатами, это благотворно повлияет на нейроны вашего мозга и вы не будете заикливаться на правилах и начнете вести себя так, что сможете реагировать на любую ситуацию продуктивно. А если этого не получается, ничего страшного, ведь так вы учитесь.

История мастерства, риск, призвание и преподавание идут рука об руку, и если бы не философия, мне кажется, никто бы так и не увидел, насколько они близки. Доклад моего брата, сделанный для воздушных сил, был бы все еще ограничен их пределами, я же связал все это с Хайдеггером, теперь прибавился и Мерло-Понти.

Здорово. Это как раз то, о чем я сейчас хотел бы поговорить. Давайте же вернемся к Мерло-Понти.

Мерло-Понти

Хайдеггер намного значимее. Он понял, что то, что Кьеркегор говорил в контексте христианства в 1850 г. в Дании, — это глубокая и очень важная идея о том, что значит быть человеком, чего не увидел никто другой; он написал «Бытие и время», как я убежден, да и все это признают, — величайшую книгу двадцатого века. Знаменитый философ Хабермас, который на самом деле ненавидит Хайдеггера, как я думаю, весьма неохотно, сказал, что «Бытие и время» — самая великая философская работа со времен «Феноменологии духа» Гегеля. И одной из особенностей, которую можно назвать воистину величайшей, — Мерло-Понти здесь скоро появится — является то, что все наиболее известные представители того, что иногда называют конти-

ментальной философией — не аналитической, не англо-американской, — так или иначе являются хайдеггерианцами.

Сартр стал первым, кто принял Хайдеггера. «Бытие и ничто» — великолепное перетолкование «Бытия и времени» во французской картезианской перспективе. Мишель Фуко на смертном одре признался, что был хайдеггерианцем и что Хайдеггер был наиболее значимой для него фигурой. Пьер Бурдьё — широко известный французский мыслитель — когда-то сказал мне, что его первой любовью в философии был Хайдеггер. И еще одна вещь, прежде чем мы обратимся к Мерло-Понти.

Мы вскоре к этому вернемся. Расскажите о Мерло-Понти.

Хорошо, давайте о Мерло-Понти. Он просто прочел Хайдеггера и увидел, что все это может быть перенесено в пространство навыков, восприятия и того, как мы реагируем на конкретную ситуацию. Все остальные экзистенциалистские темы — я имею в виду тревогу, риск — его не интересуют. То, что его занимает, так это сама реакция, то, как вы оцениваете и отвечаете на специфическую ситуацию. «Феноменология восприятия» — великолепная работа, идущая вразрез с целой философской традицией, утверждая, что вы не нуждаетесь в понятиях, что вам не нужны правила, что не они движут активностью и не они организуют перцептивный опыт. Это ваше тело непосредственно схватывает все, что происходит, или не делает этого и продвигает это успешнее в другой раз. Теперь я преподаю и «Феноменологию восприятия», хотя ежегодно читаю курс по Хайдеггеру, я читаю Мерло-Понти где-то каждые два-три года, поскольку это очень трудно — они оба чрезвычайно сложны. Но Хайдеггер — это исток. Все пошло от него.

Давайте немного остановимся на Мерло-Понти, поскольку, по-видимому, центральное понятие Вашей критики того, что могут сделать компьютеры, это понятие схватывания реальности. Наша беседа об этом покажет тот путь, которым вы в теории или на практике приблизились к пониманию человечности индивидуума, и как он, говоря языком Мерло-Понти, обретает власть над реальностью.

Хорошо.

Тогда давайте немного на этом остановимся, поскольку в некотором отношении это касается не только обучения. И не только того, что проделывает выдающийся врач в операционной или пилот во время полета в критической ситуации. Давайте остановимся на этом, на элементах этого, потому что предположение [что навыки укоренены в бессознательных теориях], прежде чем к нему пришли Вы и философы вроде Вас, было представлением о ряде правил: вы обращаетесь к тексту и отыскиваете там правило. Когда из артерии во время операции начинает струей хлестать кровь, вы делаете то-то и то-то. Но несколько более вовлечение).

Верно. Я никогда не размышлял об этом в том ракурсе, что Вы предложили, соединяя эти два элемента вместе, но сейчас я признаю это. Да, основной идеей Мерло-Понти является то, что мы находимся в постоянном движении, в поиске наиболее оптимального схватывания реальности, и здесь возникает момент, в котором он идет дальше, чем Хайдеггер. Как раз в восприятии, только в восприятии, допустим, этого стола, как я предполагаю, сейчас я на максимально удобном расстоянии. Если бы я приблизился к нему, то понял бы, что так не могу увидеть его целиком. Мерло-Понти

говорит: если вы подходите слишком близко, вы видите множество мелких деталей, если отходите слишком далеко, этих деталей не видите, и он сравнивает тело с картиной в музее: вы должны найти оптимальное расстояние, с которого вы увидите ее, как он выражается, во всем великолепии деталей и максимальной четкости формы. И когда вы воспринимаете обычные объекты, возникает еще одна вещь: вы двигаетесь вокруг них и т.д., вы движимы объектом, вызывающим к вашему телу, и это, безусловно, происходит за пределами того, что делает или может сделать ваше сознание. Объект лишь призывает вас установить оптимальные отношения, чтобы увидеть его. Если вы взираете на фасад дома, то также понимаете, что вы увидели бы его полнее, если бы могли видеть и его тыльную часть.

Что здесь завораживает, так это то, что для Мерло-Понти (он первым увидел это) нормативность, в большей или меньшей степени, сводится к основаниям нашего опыта. Она укоренена в нашем восприятии объектов. Мне кажется, что никто из философов, об этом не говорил. Когда вы умело держитесь на волне, совершенно не думая об этом и не руководствуясь какими бы то ни было правилами, ваше тело и его навыки движут вами с целью этого оптимального схватывания ситуации. А ситуация всегда совершенно конкретна. Это то, с чем вы или другие никогда прежде не сталкивались, и вы больше никогда с этим не столкнетесь, поскольку пребывание в ней изменяет вас.

Аристотель уже видел это. Но это оставалось незамеченным, пока Хайдеггер в Аристотеле этого не открыл. Аристотель говорит: если вы действуете, накапливаете опыт, совершаете ошибки и учитесь на них, вы в конце концов становитесь «фронемос» — человеком, обретшим практическую мудрость, и это означает, что вы, говоря словами Аристотеля, делаете то, что нужно, когда нужно и как нужно. И это существование мастера. И это высочайшая ступень, которой можно достичь.

Говорит ли Мерло-Понти (спрашивал я себя) что-либо подобное о мастерстве или опытности? Нет, каждый философ, безусловно, занимается своим делом. Работа Мерло-Понти идет дальше Хайдеггера, она укоренена в повседневной привычной для нас активности и повседневном восприятии. Хайдеггер движется к другой цели и размышляет и о мастерстве, и о том, как можно стать человеком, обладающим практической мудростью, — и идет даже дальше этого — тем, кто изменит мир не только реагируя на ситуацию, но отвечая на нее так, чтобы это изменило восприятие этой ситуации людьми. И согласно Хайдеггеру, это лучшее, что вы можете сделать.

Искусственный интеллект

Давайте теперь обратимся к Вашей первой книге, я покажу ее нашим зрителям, она называется «Чего все еще не могут компьютеры».

Одну секундочку. Можно добавить? Книга называется «Чего не могут компьютеры». В этом третьем издании есть своеобразный каламбур. Книга вышла в 72-м под названием «Чего не могут компьютеры», а в 92-м я добавил «все еще».

И это помогает связать ее с ее, если можно так выразиться, недавней напарницей — книгой «Об интернете» («On the Internet»), которую могут увидеть наши зрители. Можно сказать, что основной упор вашей мысли в исследовании кибернетики, т.е. то, чему сначала была посвящена Ваша первая книга, а теперь и «Об интернете», — это всемирная паутина.

Другая тема, если можно так выразиться, — это Ваша критика тех, кто утверждает, что машины или технология в таких формах как всемирная паутина, могут вытеснить человека, что мы по сути движемся к тому миру, который показан в фильме Стэнли Кубрика «2001». Вы выступаете против такой позиции и для этого привлекаете все те философские обоснования, о которых Вы только что рассказывали.

К примеру, критикуя все, что относится к телекоммуникации, Вы стремитесь показать, на что машина или технология не способны, и именно это взаимодействие с реальностью Вы только что описывали. Вы пишете: «Общение двух людей, беседующих друг с другом лицом к лицу, зависит от сложнейшей комбинации движений глаз, головы, жестов и поз, и такое намного более богатое взаимодействие, чем то, что реализуют большинство роботизированных (roboticists) ... предполагают, что целостный смысл воплощенного взаимодействия может иметь решающее значение в повседневном человеческом опыте, и что эта интертелесная реальность, как называет ее Мерло-Понти, не может быть зафиксирована с помощью совокупности 3D-образов, стерео-звука, прямого репортажа и т.д.»

Эту тему Вы рассматриваете в обеих книгах. Так?

Отчасти да. Благодаря тому, как мы к этому подошли, я понял теперь то, чего не понимал раньше, — что «Чего не могут компьютеры» во многом строго хайдеггерианская книга, и это означает, что она критикует главным образом то, что люди называют ментальными репрезентациями: что для разумного поведения необходимо обязательно иметь в сознании модель мира, и все это начинается с Декарта. Потом этот постулат приняли компьютерщики, но заговорили уже о символических репрезентациях в компьютере и стали утверждать — в частности об этом говорил Герберт Саймон, — что мы являемся физическими символическими системами, людьми и компьютерами одновременно, ведь каждый из нас использует репрезентации и правила при выдвигании суждений о том, что происходит в мире и что с этим делать. И это то, что показалось мне с хайдеггерианских позиций неправильным, поскольку мы реагируем на уникальную ситуацию, не руководствуясь правилами.

Есть ли в Ваших книгах о пределах технологии тема, которая может потребовать снова обратиться к Мерло-Понти?

Раньше я никогда не задумывался об этом, но наша беседа показала, что есть два компонента. Когда в МТИ я преподавал Хайдеггера, я заинтересовался тем, что говорили сотрудники лаборатории искусственного интеллекта, — что у нас есть ментальные репрезентации мира, что в нашем сознании должна существовать его целостная модель, на основании которой мы способны выносить суждения и действовать. Компьютерщики говорили: «Мы лишь недавно узнали, как это происходит. У наших компьютеров есть символические репрезентации и правила умозаключения, позволяющие им планировать и действовать».

Об этом можно сказать несколько вещей. Мне казалось, что едва ли это может работать, поскольку, так же как Хайдеггер и Виттгенштейн, показал, что картезианский тип мышления, основанный на ментальных репрезентациях, касательно отношения сознания к миру неверен. Мерло-Понти отмечал, что человек — это открытый исток, обращенный к миру. Мы непосредственно взаимодействуем с миром и други-

ми людьми, для нас не существует находящихся в сознании посредников-репрезентаций. Я предвидел, что AI претерпит неудачу.

AI был искусственным интеллектом.

Да. «Искусственный интеллект» изначально шел к провалу, и теперь это ясно. Я сказал это еще в 65-м в RAND в докладе «Алхимия и искусственный интеллект», который лег в основу книги. В 65-м Саймон говорил, что через двадцать лет у нас будут компьютеры, которые смогут все, что может человек. На что я возразил, что «они не смогут сделать ничего того, что может человек». И я оказался прав. Символический искусственный интеллект уходит, никто не работает над ним, кроме одного-двух человек. Здесь Хайдеггер одержал победу.

Но тут появляется Мерло-Понти. Интересным моментом «Бытия и времени» является деструкция Хайдеггером традиции ментальной репрезентации и нашего взаимодействия с миром без отсылки к телу, он упоминает его лишь однажды, говоря: «Тело является чрезвычайно интересной проблемой, но здесь мы не будем ее касаться». Этот пробел восполнил Мерло-Понти. Он везде говорит лишь о теле. Если вы спрашиваете: «Что приходит на смену ментальных репрезентаций?», так это положения тела, подстраивающиеся под вещи и стремящиеся к оптимальному схватыванию. Несмотря на то, что критика Хайдеггером ментальных репрезентаций — это стратегия слома притязаний работающих над искусственным интеллектом, они понимают эти проблемы лучше, чем мы, философы. Это довольно забавно: когда я стал читать их работы, я понял, что они приняли философию.

Кто ее принял?

Исследователи лаборатории искусственного интеллекта со своими «ментальными репрезентациями» переняли идеи Декарта, Юма и Канта, утверждавших, что концепты являются правилами и т.д. И далекие от обучения нас тому, что мы должны думать о сознании, исследователи искусственного интеллекта переняли то, что мы совсем недавно узнали в философии, предлагавшей на это неверный взгляд. Забавно, что в том году, когда Джон Маккарти ввел термин «искусственный интеллект», философские исследования Виттгенштейна обратились против ментальных репрезентаций (Хайдеггер сделал это еще в 1927-м в «Бытии и времени»). Так исследователи AI переняли переработанный материал. Они заимствовали философию неудачников. Если бы они хоть чуть-чуть в ней разбирались, то, возможно, увидели бы, как и я, что эта программа исследования была безнадежна, но они заимствовали картезианскую философию и превратили ее в исследовательскую программу. Любой, кто ориентировался в современной философии, мог предвидеть, что AI потерпит неудачу. Но никто тогда не обратил на это никакого внимания. Именно поэтому я выиграл.

Вы пишете, — насколько я помню, в книге об Интернете, — что «в киберпространстве ... в отсутствие возможности телесно схватывать смыслы, релевантность проскальзывает сквозь наши несуществующие пальцы». И далее: «мир это область смысла, сформированная подобными нам существами и для них, существами с нашими телами, желаниями, интересами и целями».

Это так. Здесь проглядывает Мерло-Понти. Хайдеггер ничего подобного не говорил. Его интересовал лишь тот путь, на котором можно обнаружить мир. минуя

ментальные репрезентации. Мерло-Понти же увидел, что это не связано с чем-либо ментальным. Наше тело со своими навыками взаимодействия с вещами и поиском их оптимального схватывания — это то, что мы должны усвоить, и тогда станет ясно, что компьютеры никогда не смогут сделать этого. У них нет тела, у них нет навыков.

То, что Вы только что прочли, очень важно. Мир составлен подобными нам телесными существами, чтобы быть охваченным ими. Компьютер бы в этом мире погиб. Он должен был бы содержать в себе модель мира и модель тела, что пытались сделать исследователи AI, но это безусловно невозможно. Без этого мир, конечно же, компьютерами схвачен быть не может.

Развоплощенный интернет

Теперь мне хотелось бы перейти к проблеме, которая не связана с компьютерами. В процессе написания этой книги мне был интересен Интернет, поскольку вопрос создания искусственного разума с привлечением компьютеров больше не стоит. Хайдеггер обличал AI, и он сам себя изобличил. Но сейчас говорят — еще десять лет назад трудно было представить такую изумительную штуку, как Интернет, что в Интернете нам будут не нужны тела; в киберпространстве каждый контактирует со всеми другими, никто не ограничен своим телом, своим взглядом, своей частной ситуацией. Мой хороший друг (я посвятил эту книгу ему) — Нат Гоулхейбер, венчурный капиталист — сказал: «Не правда ли, здорово? Мы движемся к тому, чтобы продавать все через интернет и через интернет все отслеживать, и наше тело больше не имеет к этому никакого отношения».

В МТИ называли «extropians» тех людей, которые говорили: «Мы обречены на бессмертие, поскольку все самое важное в нас — это то, что можно передать в Интернет, а все остальное, нашу смертную часть, можно отбросить». Это анти-телесный обман, и здесь возникает Мерло-Понти, поскольку в той цитате, что Вы зачитали, он говорит, что это именно наше тело со своими навыками позволяет нам соприкоснуться с вещами, вращаясь вокруг них, и соприкасаться с людьми посредством этой замечательной возможности, названной им интертелесностью, когда я не выясняю смысл ваших жестов, взгляда, мыслей и действий, но непосредственно отвечаю своими жестами и своим взглядом. Для Мерло-Понти интертелесность была наделена особым очарованием. Всегда когда он затруднялся в объяснении какого-либо феномена, он использовал это слово.

Теперь обнаружили нечто, названное зеркальными нейронами. Оказывается, что у приматов те нейроны, которые отвечают за восприятие определенного движения, в случае если я, к примеру, что-либо хватаю, одновременно отвечают и за продуцирование движения, так что нет никакой случайности в том, что, когда вы наблюдаете меня, продельвающего действие, вы непосредственно отвечаете на него. При этом, правда, никогда не упоминается зевота, но это самый показательный пример. Зевота интертелесна. Если мне скучно и я зеваю, вы не размышляете о том, что это значит, вы не можете не зевнуть. Так Мерло-Понти описывает те способы, которыми тело, как он выражается, обустроивается в мире. И именно этого не допускает Интернет.

Я должен упомянуть и еще кое-что — книгу, которую я не показал Вам. Поскольку не я написал ее, но я в каком-то смысле способствовал ее выходу. У меня был коллега по аспирантуре, которого звали Сэмюэль Тоудс и который очень на меня повлиял. Я не упомянул его, когда мы говорили о моих аспирантских годах, но если я

вошел в континентальную философию, то это в значительной степени потому, что был хотя бы один человек, с которым я мог беседовать, и это был он. У него была идея — и она очень важна, — что тело имеет свою структуру. У Мерло-Понти вы постоянно читаете о том, что тело наделено способностью действовать, что оно открыто миру, охватывает объекты, а Гоуде говорил: «У нас есть перед, зад и низ, вперед мы движемся легче, чем назад, сзади мы беззащитны». Тело содержит много того, чего Мерло-Понти не заметил. Я издавал книгу Тоудса «Тело и мир», и я убежден, что это следующее, на что нужно обратить внимание. Я говорил об этом в своем выступлении. Это свидетельствует о том, что пока компьютеры не могут (и я не думаю, что когда-либо смогут) обладать столь совершенными, как у нас, телами, чувствами, подобными тем, которые мы переживаем, они не смогут стать интеллектуальными.

А теперь об Интернете: если бы в Интернете мы присутствовали бестелесно, то мы никогда не смогли бы усвоить определенные навыки, мы не смогли бы отделять важное от второстепенного, соприкасаться с другими людьми. Поэтому Интернет — это блестящий пример того, что мы можем, и того, что мы не можем обойтись без тела.

Мне кажется, что моя книга об Интернете в определенном смысле уже устарела. Все эти неправдоподобные утверждения о том, что Интернет изменит нашу цивилизацию, что он настолько же важен, как и изобретение письменности и т.д. — все это в прошлом. Я думаю, что Интернет — очень, очень полезный инструмент. Он как телефон, почти столь же философски интересный и важный. Они оба развоплощены. Но любопытно, что телефон даже более телесен, поскольку собеседника можно слышать, и что телесность проникает и в Интернет. Благодаря скипу моя жена и дети, преодолевая границы, общаются друг с другом по Интернету, поскольку понятно, что разговор лучше, чем обмен сообщениями, поскольку в голосе есть отсылка к телу, разумеется, не прямая, но она все же есть.

Взаимодействие людей: Интервью

У меня возникла одна идея, она может быть верной или неверной, но я попытаюсь ее озвучить, чтобы помочь нашим зрителям понять, какая интуиция стоит за тем, что Вы говорите. Наше интервью, в некотором смысле, явилось примером достижения согласия с реальностью. У меня были некоторые предположения о том, куда мы двинемся, но именно в нашей активности — во взаимодействии, в нашем подстраивании друг к другу мы воплощаем реальность, о которой пышите Вы и те, кто на Вас повлиял. Такие утверждения справедливы?

Да, это так. Во всякой разновидности искусного взаимодействия, где вы можете стать специалистом, где вы словно следуете за потоком, вообще не раздумывая, ваше сознание преодолевает границы и ваши телесные навыки сами все делают, мы проделали это и проделали достаточно рискованно: вы можете закончить неудачно или закончить, упомянув вещи, о которых пожалеете, но если вы не будете готовы взять на себя эту смелость, вы никогда не станете здесь специалистом. Так, я мог предвидеть, что вы рискнете, проделаете это и будете недовольны, а вы сделали это и почувствовали удовлетворение, и когда вы достигнете этого, вы достигнете своего рода мастерства.

Разумеется, если говорить о моем риске, я беспокоился о времени, а также о чрезмерном упрощении — об опасности того, что мы будем упрощать некоторые вещи, чтобы они были понятны неподготовленной аудитории.

И последний вопрос. Размышляя над своей жизнью и своей профессией преподавателя философии, как бы Вы посоветовали настоящим студентам относиться к будущему?

Да, у меня действительно есть, что об этом сказать. Мне кажется, что самое нежелательное, что можно сделать, так это наметить долгосрочные планы, составить список жизненных возможностей и выбрать то, чего требует теория рационального отбора и что является наиболее рациональной вещью, — выбрать то, что выбирают преуспевающие люди, кто компетентен и нормально живет, живет по каким-то стандартам и следуя обычному порядку вещей. Но мне кажется, что нужно довериться судьбе и в этом выборе. Все, что происходило в моей жизни, я никогда не планировал, можно ли было предугадать, что в МТИ люди придут на мой курс и скажут: «Мы сделаем это в AI лаборатории», и с этим будет связано двадцать лет моей жизни. Если бы я что-то планировал, то я никогда не услышал бы этого. И к тому же, судьба всемогуща. Вы не можете противостоять судьбе. Когда что-то подобное направляет вас, нужно подчиниться.

Меня всегда беспокоили люди, которые убеждены, что они могут «схватить» мир посредством принципов, правил, планов и т.д. Мне кажется, что так бывает отчасти потому, что они закрыты для риска. Опаснее может быть только уход во что-либо с головой. Я мог потратить двадцать лет, искусственный разум могли все-таки сконструировать и я бы выглядел глупцом. Была такая вероятность. Но я не задавался вопросом: «Каковы шансы?». Это бы было абсурдно. Что-то выбрало меня и овладело мною. Я почти уверен, что моя стратегия — готовность рисковать и открытость вещам — захватила Вас и повела за собой.

Спасибо, Берт, на этой оптимистичной ноте я хочу поблагодарить Вас за то, что Вы сегодня провели это время с нами.

Спасибо, Гарри.

И большое спасибо за то, что присоединились к нашим «Диалогам с Историей».

Перевод с английского О.А. Власовой